

УДК 111:572

В. А. Кóсяк

Сумской государственной педагогический
университет имени А. С. Макаренко**АМБИВАЛЕНТНАЯ СВОБОДА**

В статье понятие свободы рассматривается в каузальной и нормативной метафизике, в рациональных и нерациональных действиях, в сопоставлениях свободы с несвободой. Показывается притягательность свободы и ответственность, налагаемая на ее носителей. Осмысливается иррациональность свободы, способной творить как добро, так и зло.

Ключевые слова: каузальность, нормативность, свобода, несвобода, внутренняя свобода, воля, Бог, «отпущенность на свободу», «репрессивность».

Во все времена понятие свободы было одним из важнейших предметов философской мысли. В мировоззренческой философии Свобода – это один из универсальных принципов, таких как Космос, Универсум, Разум, Истина, Благо, Мораль, Долг, Справедливость, благодаря которым в мир вносится определенный порядок. От Античности до Возрождения свобода человека понималась как уникальная, только ему принадлежащая способность поступать по собственной воле, даже вопреки обстоятельствам. В Новое время человек мыслится как звено в бесконечной цепи причин и следствий, подчиненное тем же универсальным законам, что и все остальные звенья. Чтобы быть свободным, человеку не нужно желать ничего, что не было бы «предусмотрено» внешней, по отношению к нему, объективной необходимостью. Свобода в таком ее понимании отождествляется с разумностью, обретает форму концепта «познанной необходимости» (Б. Спиноза). Но если мир предстает как непрерывный континуум причинно-следственных связей, то человеку просто некуда «втиснуться» со своей свободной волей, проявление которой всегда сопряжено с появлением «зазора», перерыва постепенности [3, 132], с возможностью выбора субъектного действия. Строгий же детерминизм (позиция, берущая начало в древности) не оставляет места свободе, хотя последовательные компатибилисты допускают совмещение свободы и детерминизма [5, 82–84].

Снижение доверия к универсальному детерминизму, начавшееся в середине XX века, обусловило понимание свободы как волевого «разрыва» причинно-следственной цепи и установления нормативных предписаний, предполагающих свободный выбор парадигмальной установки, задающий граничные условия функционирования определенного типа мышления и жизни. Это означает, что человек, будучи свободным, может, утверждая те или иные нормы, выступать

начальным звеном каузального ряда. Такая свобода в корне отличается от «познанной необходимости» каузальной традиции. Ибо здесь речь идет не о причине и следствии, а, скорее, о вине и ответственности, которые следует понимать в метафизическом смысле, когда ответственность означает сознание своей причастности к организации бытия. Поэтому можно сделать вывод, что чисто каузальный порядок «социальной физики» невозможен. Наряду с метафизикой каузальности, предпочитающей рассматривать человеческие поступки как последовательные звенья универсального причинно-следственного ряда, метафизика нормативности усматривает в человеческих поступках самостоятельные акты реализации свободы, за которые человек несет полную ответственность [3, 133].

Проблемой исследования предстает усмотрение-осмысление атрибутов, свойств, характеристик свободы «для» и свободы «от», свободы позитивной и негативной, «доброй» и «злой», созидательной и разрушающей.

Свобода семантически многогранное понятие, часто несущее в себе противоречивые смыслы и разнонаправленные «векторы силы». Ее ассоциируют с рациональными и нерациональными действиями, с добровольным принятием человеком несвободы как основы своей деятельности, с укрощением себя. Она и величайшая ценность, и тяжкий крест. Свободен мотылек, летящий в костер, и свободен бунтарь, идущий к своим целям вопреки объективным обстоятельствам. В свободе вечный конфликт сил, стремящихся ограничить деятельность закона и сил, пытающихся преодолеть ограничения несвободы, ибо «свобода как деятельность есть несогласие с действительностью» [2, 18]. Это несогласие может принимать форму отрицательной свободы «ликующей от дозволения на грабеж» фанатичной толпы (о чем писал Гегель в «Философии права»), периодически или спорадически разрушающей ненавистный ей всякий общественный порядок, уничтожающей памятники культуры и цивилизованных людей, приверженных этому порядку. Разрушающая толпа хочет вернуться в доцивилизованное, максимально приближенное к природе идиллическое, как ей кажется, бытие, где царят всеобщее равенство и всеобщая религия.

Несогласие личности с действительностью часто актуализируется в ее свободе как состоянии, для которого характерен императив неприятия навязываемых извне изменений. Субъект свободы как внутреннего состояния бережет себя как целостность, что соответствует его экзистенции. Таков Обломов в своем осознанном стремлении к сохранению неизменности своего обособленного бытия, со своей «ленью» по поводу земных суетных дел, которая, в оценке М. Пришвина, является своеобразной критикой позитивистских установок на «положительную деятельность». В покое Обломова можно усмотреть «запрос на высшую ценность», ожидание достойной деятельности. Его покой – «это протест

против методичной, обустроенной, упорядоченной жизни, которая сродни небытию» [6, 62]. В своем выборе – первом условии человеческой свободы – Обломов эскапируется от «излишнего насилия социального порядка». (Экзистенциально свободным, абсолютно свободным, очевидно, может быть тот, кого нигде, ничто, никогда не держит).

Идея внутренней свободы личности, ее независимости от внешнего мира восходит к Сократу. Эта идея является условием эвдемонизма, принципа древнегреческой этики, согласно которому счастье, блаженство – это высшая цель человеческой жизни, идеал. Но идеалы, как известно, не достижимы. Защищенность личности от вторжения в ее частное пространство не герметична. «Частное», самое интимное пространство субъекта всегда «опосредовано» социальностью, и потому разрыв между публичным и частным может быть лишь виртуальным.

Свобода предполагает также свою противоположность – несвободу, и обе они характеризуют состояние и развитие предметов, явлений и процессов объективной и субъективной реальности. Предикатами несвободы выступают устойчивость, детерминированность, закономерность. Благодаря внутренним связям и отношениям, обозначенным понятием «несвобода», мир сохраняет свою целостность. Несвобода характеризует системную стабильность, устойчивость, функциональность; несвобода «блюдет» связи главенства системы над элементами, ее составляющими. Если нет несвободы, то нет и системы, ибо «свободное состояние всех – хаос». Предикаты свободы – неустойчивость, случайность, вероятность. Без сдерживания несвободой свобода может прийти к самоотрицанию. Однако «переход от одного стабильного состояния (несвободы) к другому (новой несвободе), осуществляется через свободу» [2, 22], вдохновляющуюся потребностями изменения, разрушения и созидания. Изменение – это медленное разрушение, соединенное с созданием нового, но не всегда жизнеспособного. Разрушение может вести к хаосу. Созидание творит новую несвободу, комбинируя результаты предыдущей разрушительной деятельности. Все «несвободы, благодаря свободам, переходят от одних несвобод к другим в вечном круговороте различных форм бытия» [2, 24]. Несвобода и свобода обнаруживают себя во всех сторонах нашего бытия и деятельности, проявляясь в быту, мышлении, поступках.

Умопостигаемая свобода имеет богатые, возвышающие ее ассоциации и коннотации. По Канту, в комментарии Г.Л. Тульчинского, свобода не феноменальна, а ноуменальна. В природе как таковой, без человека и его сознания, познания и деятельности, свободы нет, а существуют только каузальные связи и прочие детерминации. «Свобода не есть бытие, она есть небытие, суть возможное, пустое, неопишное и невыразимое творящее ничто. Она не находится в измерениях бытия, она «под» бытием, как то, что хочет воплотиться в бытии. По своей сущности свобода предшествует совершаемым свободно актам: она предшествует

своим проявленіям. Поэтому свобода предшествует бытию, является «безосновной основой бытия» [7, 17]. Ее ноуменальность выражает сугубо человеческое измерение бытия (проблема свободы – самое что ни на есть – наше, человеческое дело, если не считать ее даром Божиим). «В силу этого, с помощью разума и понимания все более глубоких связей, человек метафизически свободен. Он всегда может быть свободным «от»: своего тела, своего характера, своего происхождения, законов природы и даже от Бога» [7, 17], поскольку он свободен в принятии ответственных решений и свершении поступков.

Механизмом реализации свободы является воля, которая ускользает от однозначного определения. Ее можно представить разно: самостоятельным феноменом, теоретическим конструктом; силой, побуждающей к разумной деятельности, потребностью в преодолении препятствий, неким «рефлексом свободы». Она также предпосылка, часть и проявление мотивации, связанной с «запуском» активности, синонимом которой является сила. Ее составляющие – готовность, уверенность, решительность, сосредоточенность, сдержанность. В ней интегрируются образ желаемого результата, сознательный выбор, концентрация внимания и действие.

Воля включает в себя трансцендирование как прорыв в иное – и в плане познания, и активного действия. Это делает волю метафизическим фактором динамики бытия. Феномен воли органично связан с онтологическим импульсом-синтезом желаемого должного и реально существующего, который кратко может быть выражен формулой: «Да будет!». Заклясть желаемое в действительное, а действительное в желаемое – вот предпосылка осмысленного волевого человеческого действия [8, 151–154].

Воления человека, как проявления его свободы, безграничны. В своей свободной воле человек может быть самосоздателем, о чем пишет Пико делла Мирандола в «Речи о достоинстве человека». И потому человек «существо счастливое». Свое место и свои обязанности он имеет «по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению», и созидает себя в том образе, который предпочитает, может «владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем захочет». Сознание свободы воли формируется культурой. (Действительно свободен может быть в современном обществе риска тот, говорит Адорно, кто не должен выбирать из альтернатив). Будучи свободным, «высший человек» соотносит свои желания с высшими, божественными или общечеловеческими ценностями.

Как отмечает Г. Л. Тульчинский, свобода, являясь эпифеноменом культуры, «грузит человека свободой как ответственностью», и в то же время дает ему возможность трансцендировать в иное, в высшие ценности, каковыми выступают такие абстрактные категории, как «истина», «добро» и «красота». Существуют эмпирически данные

красивые люди, вещи, добрые поступки, подлинные знания, но человеку недоступны трансцендентные истина, добро и красота как таковые. Эти метафизические ценности, не будучи данными в мире людей в своей полноте, тем не менее, выступают мощными регулятивами человеческой жизни. Люди стремятся к истине, добру и красоте. Однако самым притягательным телосом, регулирующим действия людей, является главная трансцендентная ценность – свобода, ибо никто, нигде и никогда в этом мире не был свободен от обстоятельств жизни [17, 26]. В романтической аксиологии свобода наделяется абсолютной ценностью и осмысливается в концептах истинного человека; совершенной жизни; бегства от всевозможных уз, от «несвободного мира»; «томления по утраченной свободе»; индивидуальной воли; одухотворенного бытия; культа сильной личности («Манфред» Байрона); титанизма; вселенского пессимизма; героя и поэта; максимальной интенсивности бытия; амбивалентности феномена свободы. И люди идут на баррикады за свободу, отдают за нее жизнь, мифически веря, что свобода – это счастье. И следование истине и красоте, добру или злу – все это результат проявления и реализации свободы, которая одновременно налагает ответственность на ее носителей.

Отдавая должное вышеизложенному поклонению свободе, нельзя не видеть, что свобода может быть «окрашена» злом. Н. А. Бердяев объяснял происхождение зла обыкновенной свободой, которой Бог наделил людей, и которой они, по несовершенству своему, злоупотребили. В исследовании Бердяева «Мировоззрение Достоевского» прослеживается мысль, что Ф. М. Достоевский в своих романах не склонен радоваться за человека, «отпущенного на свободу», так как отпущенность эта чревата трагичностью судьбы человека и трагичностью самой свободы. Желая свободы, человек «бунтующе заявляет о ней, готов на всякое страдание и безумие, лишь бы почувствовать себя свободным», но свобода оборачивается у него своеволием, бунтующим самоутверждением, когда человек в буйстве своей свободы не хочет знать ничего высшего чем он сам. И тогда свобода делается беспредметной, опустошающей человека. Так беспредметна и пуста свобода Ставрогина и Версилова, разлагает свобода Свидригайлова и Федора Павловича Карамазова. Доводит до преступления свобода Раскольников и Петра Верховенского. Губит человека демоническая свобода Кириллова и Ивана Карамазова. Свобода как своеволие истребляет себя, переходит в свою противоположность. С внутренней имманентной неизбежностью ведет такая свобода к рабской зависимости от страстей, которая порождает зло, а зло ведет к преступлению. Поэтому согласимся с Достоевским и Бердяевым в том, что «зло есть дитя свободы». Нелишние заметить здесь, что в философии свобода имеет лишь отрицательные дефиниции и в лучшем случае может быть возможностью и условием для совершения чего-то, чем она не является. Однако и добро тоже «дитя свободы». Это может быть

объяснимо иррациональностью свободы, вследствие которой она может создавать и добро, и зло. Но отвергать свободу потому, что она может породить зло, считал Н. Бердяев, значит породить зло еще большее.

Амбивалентные толкования свободы в парадигме добра и зла можно проследить и в христианстве. Во многих богословских толкованиях «образа Божия в человеке», укрепилось представление, что богопохожим делают человека разум, любовь и свобода. «Как Бог свободен, так свободен и ты» (Преп. Макарий Великий). Свобода Бога не знает внешних переделов, весь мир прозрачен для Его волений, весь Космос пронцаем для Его действий. Однако подарив человеку свободу, Бог позволил ему действовать, исходя лишь из его, но уже не из свих, Божьих замыслов. По-видимому, сей Божий дар оказался непоправимо преждевременным для далеко несовершенных сил, разума и любви человека. Не потому ли свободный (одаренный Божьей свободой) человеческий выбор стал таким, что в мир пришло зло, и Бог как бы пасует перед человеческой свободой. Здесь начинается самоумеление Бога, его истощение, кеносис. К концу Нового времени Ф. Ницше возвестит миру о «смерти Бога». Тогда можно любить грех и зло – вспомним карамазовское «сладострастие». Разум можно успешно применять для борьбы с добром. Свобода может ставить бесконечные эксперименты на тему «все дозволено». Но человек, отмечает С.Г. Кара-Мурза, в «Манипуляции сознанием», перестал быть животным (создал культуру) через постоянное и непрерывное создание для себя «несвобод», через ограничение своей дикости. Ограничения (введение норм и правил) превратили рычание и визг в членораздельную речь и письмо. Свобода же как презрение оков (норм) грамматики, оков просвещения, оков «технологической дисциплины» ведет к массе аварий и катастроф. В 1988 году «Новое мышление» дало свободу от норм межнационального общения – и потекла кровь на Кавказе. В те же годы появилось огромное количество «свободных» людей (мелких торговцев, шатающихся по всему миру жуликов и студентов, проституток, бомжей, беспризорных). Вырос многомиллионный, почти узаконенный свободной моралью преступлений мир, который изымает и перераспределяет жизненные блага насилем. (Прозорлив был Достоевский, знавший, что страшное это существо – человек, «отпущенный на свободу»).

Наша «ситуация рынка», возможно, напоминает 60-е годы XIX века в Британии, когда идеал свободы был успешно реализован политическими последователями «философских радикалов» И. Бентама и Дж. Милля. Тогда желанная свобода была обретена на практике, но оказалось, что либерально-рыночная предпринимательская «свобода рук» принесла многим людям многие беды, и угрожающе росло число людей, больше не желающих слышать о Свободе. В это время потребовался весь талант маститого политического философа, весь его моральный авторитет (речь идет о Дж.-С. Милле и его знаменитой работе «О свободе») для того, чтобы

убедить нацию (на фоне уже полным ходом шедшей в британском обществе напряженной духовной работы), что Свобода («свобода вообще») есть нечто гораздо более человеческое, нежели пресловутая свобода рынка. Главная идея его эссе – возвращение в духовную жизнь общества Свободы с большой буквы, противодействие попытке либералов-рыночников «приватизировать» это понятие. Социал-дарвинизму Г. Спенсера (с его кредо: если бедняки недостаточно приспособлены для жизни, они умирают, и это самое лучшее, что они могут сделать) противостояла в английской литературе великая гуманистическая традиция Ч. Диккенса, а также антибуржуазная сатира (У. Теккерея, Б. Шоу). Лорд Актон, историк и философ, автор капитального труда «История свободы», оглядываясь на прошедшие века, писал: «Свобода является наиболее сильным после религии мотивом добрых дел и самым распространенным предлогом для преступлений». Освободительное движение «новых либералов», возглавляемое У.Ю. Гладстоном (1809 – 1898), стремилось ограничить аппетиты предпринимателей, обуздать прежний либерализм. Пресловутой «свободе рук» – эксплуатации капиталом всех слоев общества, новый либерализм противопоставил освобождение от крайних форм эксплуатации беднейших классов [4, 66–68]. Вместе с тем, в английской свободной торговле с 1855 по 1914 г., к которой присоединились менее успешные Россия и Германия, происходил прогрессивный свободный обмен товарами, идеями, капиталами и людьми. Второй виток свободной торговли пришелся на конец 1990-х, будучи стимулированным распадом коммунистической системы, но он тоже не стал всеобщим благом. Многие страны вырвались вперед, используя преимущества своего производства. Однако появилось, о чем сообщалось в докладах ООН, и большое число стран четвертого мира, обеднели многие регионы, были подавлены иностранным капиталом национальные интересы разных стран [9, 48].

В странах, где после столетий несвободы и десятилетий господства тоталитарной властной силы вдруг обретается свобода от непосредственного насилия и принуждения, то она почти неизбежно оборачивается свободой от совести и чести, приводя к еще большим контрастам богатства и бедности, к еще большей коррупции, попранию закона и права. «Приватизировав» свободу, иные новые работодатели «дали себе волю» задерживать выплаты заработной платы, отказывать в отпусках и в оплачиваемых больничных листах. Многие теперешние демократы с энтузиазмом бросились «раскрепощать» школу и детей вообще. Но «демократизация» подростков, освобождение их от подчинения взрослым и от гнета традиций неизбежно ведет к фашизации их сознания. Поэтому всегда в цене «репрессивная» функция культуры как форма регулирования человеческих желаний и страстей. Культура, считают иные экзистенциальные философы, якобы подавляет индивидуальную свободу. Но именно «репрессивность» удерживает от

произвола и разрушения сложившиеся формы культуры. Не зря Платон, Аристотель, Кант, Гегель и другие философы-классики, – отмечает Б. В. Марков, в «Философской антропологии» – ограничивали волю человека идеальными, божественными или нравственными нормами, без чего невозможно служение тому, что выше человека, невозможно смирение перед этим высшим, невозможно признание ценностей природы, ценности других людей, ценности культурных традиций и самосохранение человечества в его эволюции. Укрепляет эту мысль и Сальвадор Дали, один из талантливейших модернистов и бунтарей-мистификаторов: по прошествии многих лет люди, наконец, поймут, что иерархию не выстроить без строгой выучки, без жесткой матрицы не отлить форму – такова высшая, пусть и реакционная истина. Солидарен с Дали П. С. Гуревич, пишущий о том, что «разрушительное в человеке не проявляется столь очевидно до тех пор, пока его поведение регулируется традиционными механизмами: грозным авторитетом главы семьи, наставнической ролью государства, отеческой опекой церкви. Но в ходе безоглядного прогресса эти структуры разрушились». Надо возродить неукоснительный авторитет силы и принуждения [1, 227].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? : Критические очерки / П. С. Гуревич – М. : Политиздат, 1984. – 302 с.
2. Иошкин В. К. Несвобода и свобода в рациональном осмыслении мира / В. К. Иошкин // Вопросы философии. – 2006. – №8. – С. 15–28.
3. Липский Б. П. Что такое философия? Философское отношение к миру / Б. П. Липский // Философские науки. – 2010. – №7. – С. 119–135.
4. Мюрберг И. И. Либерализм и проблема современной свободы между утилитаризмом и кантианством / И. И. Мюрберг // Философские науки. – 2010. – № 11. – С. 64–77.
5. Секацкая М. А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы / М. А. Секацкая // Вопросы философии. – 2012. – №2. – С. 81–91.
6. Селиванов А. И. Метафизика в культурологическом измерении / А. И. Селиванов // Вопросы философии. – 2006. – №3. – С. 49–63.
7. Тульчинский Г.Л. О природе свободы / Г.Л. Тульчинский // Вопросы философии. – 2006. – №4. – С. 17–31.
8. Тульчинский Г. Л. Воля. Онтологический импульс / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2010. – №10. – С. 151–154.
9. Федотова В. Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 45–53.

РЕЗЮМЕ

В. А. Кбсьяк. Амбівалентна свобода.

У статті поняття свободи розглядається в казуальній і нормативній метафізиці, в раціональних і нераціональних діях, у зіставленнях свободи з несвободою. Показується привабливість свободи і відповідальність, що покладається на її носіїв. Обмірковується ірраціональність свободи, здатної створювати як добро, так і зло.

Ключові слова: каузальність, нормативність, свобода, несвобода, внутрішня свобода, воля, Бог, «відпущеність на волю», «репресивність».

SUMMARY

V. A. Kosyak. Ambivalent Freedom.

The article considers the notion of freedom in causal and normative metaphysics, in rational and irrational actions, in comparison of freedom and nonfreedom. It shows the attractiveness of freedom and responsibility, which is imposed on its carriers. It also shows the irrationality of freedom, which is able to create both good and evil.

Key words: causality, normativity, freedom, nonfreedom, internal freedom, the will, God, «letting off for freedom», «repressivity».